

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

№

44.

С У Б О Т А,

НОЯБРЯ 6 ДНЯ,

1848 ГОДА.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОТДЕЛЪ ВТОРОЙ.

I. ИЗВѢСТИЯ.

ТЕАТРЪ.

БЕНЕФІСЪ Г-жи МЛОТКОВСКОЙ, 31 октября.

Слышая толки о нашемъ театрѣ, намъ не разъ случалось слышать замѣчанія, что въ послѣднее время у насъ чаще обыкновеннаго давались такія представлениія, которыя отличаются одними чисто-внѣшними достоинствами, представлениія *картины*, и что, следовательно, нашъ театръ не со всѣмъ въ хорошемъ состояніи. Справедливо ли это замѣчаніе? Вѣренъ ли такой выводъ?

Если взять во вниманіе известную, признанную древними и новыми вѣками истину: театръ исправляетъ нравы, то всѣ театральные представлениія нашего времени можно раздѣлить на два разряда. Къ одному изъ нихъ принадлежатъ легкія комедіи и оперы, водевили, фарсы и даже балеты и

дивертисманы. Къ другому—высокія комедіи, драмы и трагедіи. Театральныя представлениія первого разряда, одни—при искусномъ выполненіи ролей, другія—при хорошей постановкѣ, третыи—при томъ и другомъ вмѣстѣ, отличаясь одними виѣшними достоинствами, имѣютъ свою, болѣе или менѣе, хорошую сторону. Не глубоко, но вѣрно обрисованные характеры, слегка тронутая струна человѣческаго сердца, рѣзвая игра остроумія и веселости, роскошь и волшебство декораций, очарование музыки, обаятельность танцевъ—все это имѣтъ свою поэтическую сторону; а поэзія, даже тогда, когда она не проникнута идеюю, развитою до очевидности, и тогда она, какъ поэзія, имѣтъ благодѣтельное вліяніе на человѣка. Самыя тѣ представлениія, въ которыхъ нетъ ничего, кроме изящной виѣшности, которыя доставляютъ наслажденіе однимъ виѣшнимъ чувствамъ, и тѣ не остаются безъ вліянія на душу зрителя. Зрѣніе и слухъ, привыкая къ прекрасному, облагораживаются; за

этимъ необходимо следить нынѣ отвращеніе отъ всего грубаго, не означенія печатью величества. Постепенно и незамѣтно совершается подобная перемѣна и въ духовномъ мирии человѣка, имѣющемъ такую тѣсную связь съ его тѣлеснымъ составомъ. Здѣсь привычка, этотъ „губитель добра“, по выражению Шекспира, дѣлается нашимъ „ангеломъ хранителемъ“.

Гораздо важнѣе театральныя представленія, отнесенные нами ко второму разряду. Влияніе ихъ на духовную сторону зрителя быстрѣе, могущественнѣе, прочнѣе. Это тѣ драматическія произведенія, въ которыхъ чувство и мысль, поэзія видѣнія и внутренняго, соединены творческимъ гeniemъ въ одно гармоническое цѣлое; тѣ произведения, въ которыхъ раскрывается передъ нами, въ художественныхъ образахъ, жизнь во всей ея полнотѣ и глубинѣ, разоблачаются всѣ тайные изгибы человѣческаго сердца. При видѣ этого луна зрителя, какъ бы долго она ни была усыплена бездѣйствіемъ, какъ бы ни была опутана повседневными мѣлочными заботами жизни—невольно пробуждается, какъ растеніе, когда оно, послѣ долгаго оцепененія во время зимы, согрѣвается теплыми лучами весеннаго солнца и начинаетъ оживляться. Еще пѣть начнѣтъ ни цветовъ, ни листьевъ, а внутри его уже совершается чудный, таинственный переворотъ: невидимо, неслышимо начинается въ немъ струиться жизнь и оно вливаетъ въ себя живо-творческіе соки, которые со временемъ дадутъ или богатый плодъ, или пышный цветъ, или прекрасную густо-листенную одежду, смотря по природѣ растенія.

Есть люди, которые не признаютъ благодѣтельнаго вліянія театра на общество, не вѣрятъ въ возможность подобнаго преобразованія въ душѣ зрителя. Этіе люди признаютъ за благо только то, хорошія слѣдствія чего математически очевидны, такъ сказать, осознательны. Этимъ людямъ хотѣлось бы, кажется, что бы имъ доказали математически: во сколько разъ улучшится нравственная сторона такого-то,

если онъ будетъ присутствовать при такомъ-то представлениі? На сколько именно времени перемѣнится характеръ зрителя, если онъ проведѣтъ въ театрѣ столько-то часовъ?.. И въ этомъ случаѣ нельзя брать отдельно ни каждое драматическое произведеніе, ни каждого зрителя, какъ индивидуума. Въ противномъ случаѣ, въ результатѣ можетъ оказаться нуль. Только жизнь цѣлаго народа въ продолженіе цѣлаго поколінія можетъ представить ясныя, очевидныя слѣдствія благодѣтельнаго вліянія театра на человѣчество. Подтвержденіе этой истины—Исторія.

Есть и такие люди, которые не только не признаютъ необходимости театра для блага общества, но и убѣждены въ томъ, что онъ вреденъ, что онъ развращаетъ правы. Въ доказательство этого, обыкновено, указываются на тѣ пятна, которыя иногда темнѣютъ на свѣтлой одеждѣ Мельпомены и Талии. Свѣтлана сцена, скромное.., мы хотѣли сказать: нескромное сцено, костюмъ, ни сколько не напоминающій монашескую рясу, и т. п.—все это, по ихъ мнѣнію, имѣетъ пагубное вліяніе на чистоту нравовъ. Стало-быть, нравственность человѣка можетъ измѣниться отъ того, чѣмъ онъ видѣтъ, что слышитъ? Стало-быть, все, противоположное тѣмъ пятнамъ, должно имѣть благодѣтельное вліяніе на человѣка? Если жъ такъ, то возмите сумму этихъ недостатковъ театра и сумму его достоинствъ (которыхъ и въ самой неблагопристойной пьесѣ, изрѣдка мелькающїй въ репертуарѣ нашихъ театровъ, вѣрою наберется больше, чѣмъ недостатковъ этого рода), положите то и другое на вѣсы вашего смѣливаго разсудка, и вы увидите, что чаша съ посѣдѣніями далеко перетянетъ чашу съ первыми—и выводъ въ пользу театра ясенъ.—И действительно, какъ вообще температура тѣла, по законамъ физическимъ, приходитъ въ равновѣсіе съ температурою той сферы, въ которую оно попадетъ, такъ и лукъ, легче или труднѣе, воспринимаетъ въ себя свойства сферы, въ которой онъ живеть, и чѣмъ дольше въ

ней обращается, тѣмъ болѣе приходитъ въ гармонию съ нею....

Но виноваты: мы слишкомъ отдалились отъ того, о чемъ начали говорить. Мы раздѣлили всѣ театральныя произведения на два рода: на *легкія*, отличающіяся болѣе витѣшими, чѣмъ внутренними достоинствами, и на *серезныя*, богатыя болѣе внутреннимъ, чѣмъ витѣшнимъ. Публика, не обиженнай пьесами втораго рода, вправѣ требовать и пьесъ первого, потому что—

„Ахъ, не все жъ намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ“

и утѣшить себя винегретомъ изъ музыки, танцевъ, декораций, костюмовъ и даже венчальныхъ звонницъ. Если бы наше театръ подобные винегреты жили на счетъ серьезныхъ драматическихъ произведений; если бы зрителю нашего театра не было случая испытывать душевныя потрясенія, сердцу его—обнімататься благоговѣйнымъ восторгомъ при видѣ великихъ подвиговъ добродѣтели, обливаться слезами передъ изображеніями бѣдствій, сопровождающими человека, трепетать наслажденіемъ передъ картиной земного счастья; еслибы только одинъ витѣшній чувства зрителя встрѣчалъ тѣмъ удовольствіе, то замѣчаніе, о которомъ выше мышили мы въ началѣ нашей статьи, было бы справедливо. Но такъ ли это?

Междѣ тѣмъ, какъ на другихъ провинціальныхъ театрахъ вы не увидите ничего, кроме легонькихъ водевильчиковъ, и намѣреніе поэта витѣшнѣй какую-нибудь драму показалось бы вамъ желаніемъ пигмея совершить гигантскій подвигъ—у насъ никого не удивитъ афиша, пращающая на драму Шекспира, и исполненіе такихъ драмъ не разъ заслуживало похвалы знатоковъ театра, знакомыхъ со столичными сценами. Конечно, такія афиши встрѣчаются у насъ не часто, исполненіе подобныхъ пьесъ бываетъ не во всѣхъ отношеніяхъ совершенно; но зна, какъ трудно содержать, а еще болѣе—сформировать на провинціальной сценѣ труппу, способную безъукоризненно исполнять лучшія драматическія произведения, зна, это, не только нельзя упрекнуть нашъ театръ въ неимѣ-

шіи того, чего на немъ нѣтъ, но еще должно удивляться тому, что на немъ есть.

Въ послѣднее время у насъ начали появляться роскошныя театральныя афиши, особенно бенефисныя: огромныхъ размѣровъ, съ заглавіями, литографированными въ строѣ гигантскихъ буквъ всевозможныхъ видовъ и цветовъ. Иные смотрѣть на эти афиши съ двусмысленіемъ улыбкою; другие, просто, съ негодованіемъ. Если

„желая лишку,
Въ свой бенефисъ расчетливый актеръ
Нечастасть огромную афинку—
И публикѣ даетъ формальный вздоръ“—

то такой аферистъ вполнѣ заслуживаетъ негодованіе и даже презрѣніе публики. Но если же бенефіціантъ съ добросовѣтнымъ выборомъ пьесъ соединяетъ заботливость и обѣ изящества афиши, то это должно скорѣе радовать, чѣмъ печалить публику.

Не говоря о другихъ бенефисахъ, мы возьмемъ, въ этомъ отношеніи, бенефисъ г-жи Млотковской. Афиша на этотъ спектакль своею роскошью едва ли не перещеголяла всѣ, видѣнныя нами до сихъ поръ. Ко всему, что мы прежде встрѣчали въ такихъ афишиахъ, теперь были присоединены еще литографированныя картички, изображающія видъ нашего театра и сцены изъ пьесъ, предназначенныхъ для этого бенефиса (картички эти, правда, не отличаются особыеннымъ искусствомъ отдѣлки, но—чѣмъ богаты, темъ и рады! На Ораса Верне или какого-нибудь Тимма мы еще не разъ Богатѣли). Выборъ пьесъ, сделанный г-жею Млотковскою, не заслуживаетъ упрека; следовательно, на красивую афишу ея мы должны смотрѣть, какъ на доказательство эстетического вкуса артистки и любви ея къ изяществу даже въ мелочахъ.—

Первая изъ пьесъ, данныхыхъ въ бенефисъ г-жи Млотковской, была драма въ двухъ дѣйствіяхъ: *Отецъ и Кузь или Тайна рожденія*. Первое дѣйствіе этой драмы есть не что иное, какъ драматизированная остроумная пѣсня Берарж: *Le Sénateur*; развитіе этихъ стиховъ:

„Mon épouse fait ma gloire:
Je lui dois, l'en peut m'en croire,
Un ami bien précieux“.

Но то, что въ пьесѣ выражено ловкимъ намекомъ и скрыто подъ формою простодушно-веселаго разсказа, въ драмѣ обнаружено не совсѣмъ скромно. Это единственный недостатокъ *Отца и Кума*. Во второмъ дѣйствіи то, что было забавнымъ въ первомъ, возвышается до серьезнаго, потрясающаго душу интереса; является драма въ полномъ смыслѣ этого слова. И эта драма выполнена была главными персонажами вполнѣ удовлетворительно. На сцену, где Полина (г-жа Млотковская), влюбленная въ своего отца, котораго считала она только за отца крестнаго, увѣренная въ томъ, что скоро будетъ его женою,—вдругъ узнаетъ страшную тайну, на эту сцену цѣльзя было смотрѣть безъ душевнаго волненія. Г-жа Млотковская такъ вошла въ свою роль, съ такими увлечениемъ выказала свое душу потрясающее горе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свою радость, радость дочери, нашедшей своего отца, что у всякаго, кто внимательно слѣдила за этою сценою, на глазахъ дрожали слезы. Въобще, она передала характеръ и чувства Полины не только такими, какими нашла ихъ въ пьесѣ, но еще съ большею полнотою, съ большею определенностью. Артистка вполнѣ постигла Полину, это милое, доброе, любящее созданіе, разгадала всѣ тайны ея нѣжнаго сердца, умѣла до кончина того, чего не доставало въ Полинѣ, созданной авторомъ *Отца и Кума*, умѣла прочесть не только то, что заключалось въ словахъ ея роли, но и то, что, выражаясь словами покойнаго профессора Кронеберга, было за ними и между ними, и все это передать художнически.—Удивительная артистка, эта г-жа Млотковская! Время, которое потемняетъ лестнициства актрисы, играющей роли молоденькихъ девушки, время, столько страшное для другихъ, кажется, приблизилось и къ ней. Но надѣю что оно теряетъ свои обычные права. Мало того: оно даетъ ей возможность болѣе разнообразить свое амплуа; теперь возьмите женщину во

всѣхъ ея возрастахъ—отъ 15-ти до 60-ти летъ—и вы не найдете ни одного, для роли котораго у г-жи Млотковской не достало бы силы и средствъ.

Намъ случалось слышать негодованіе нѣкоторыхъ людей на то, что г-жа Млотковская, будучи не въ первой молодости, занимаетъ роли молодыхъ девушекъ. Но на сценѣ, въ этихъ роляхъ, мы всегда видѣли ее украшенною всею прельстью и роскошью молодости, и потому не понимаемъ негодованія тѣхъ людей. Да и какое дѣло зрителю, какъ зрителю только, справляться съ метрическимъ свидѣтельствомъ актрисы? И не болѣе ли для нея чести, если она сумѣла надолго сохранить тайну быть на сценѣ молодою? Чтобы доказать несправедливость негодованія любителей молодыхъ лягъ въ актрисѣ, довольно указать на знаменитую Марсъ.....

Роль Дюрана сыгралъ г. Соленикъ. Онъ былъ олицетвореннымъ созданиемъ Беранже, этимъ добрымъ ремесленникомъ, простодушнымъ мужемъ—старичкомъ, который пропиває:

„Твой клады!
Какъ я рады!
Вѣльможа мнѣ и другъ, и братъ!“

Г. Толченовъ (*Ренневиль*) выполнилъ свою роль очень удовлетворительно.—Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что въ первомъ дѣйствіи этой пьесы непріятно бросались въ глаза гости, прішедши къ Дюрану на крестины. Наружность нѣкоторыхъ изъ нихъ вполнѣ соответствовала мѣстамъ, которыя занимали они во время стола, хотя мѣста эти не соответствовали пять ролямъ: за столомъ помѣстились только дамы, а мужчины стояли за стульями. Дюранъ и Ренневиль, пившіе шампанское за здоровье новорожденной, не удостоили этой части своихъ гостей.

За *Отцомъ и Кумомъ* слѣдовала водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ: *Сюзетта или Нѣма*. Главные роли здѣсь (Сюзетты и Пастолиньера) занимали г-жа Млотковская и г. Соленикъ; следѣтельно, водевиль не могъ не заинтересовать публику, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ по

себѣ не безъ достоинствъ. Г. Соленикъ въ этой роли былъ тѣмъ же, чѣмъ и въ роли Дюрана. Пастолиньеръ и Дюранъ, въ сущности, одно и тоже; но такъ жакъ г. Соленикъ явился вторымъ тотчасъ же послѣ первого, то, чтобы не броситься въ глаза публики однообразіемъ, артистъ долженъ бы быть по болѣе измѣнить себя. По этому, какъ ни хорошо было г. Соленикъ Пастолиньеромъ, однакожъ нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ, съ перемѣной роли, не перемѣнилъ своей особы. Не отсутствие, а недостаточность разнообразія въ игрѣ г. Соленика—вотъ одно, въ чёмъ можно иногда упрекнуть его. Но обѣ этомъ мы падаемся по-говорить подробнѣе послѣ.

Бенефисантка въ первомъ дѣйствіи „Сюзетты“ была рѣзвою болтушкою, во второмъ—игрою. Нынѣ игра ея, по-своей ловкой, очаровательной импинкѣ, въ выразительности ни сколько не уступала игрѣ болтуны; пантомимою г-жа Мятковская говорила такъ же краснорѣчиво и увлекательно, какъ и рѣчью. Всеобщій громкій восторгъ публики былъ янымъ доказательствомъ, что артистка ни сколько не потеряла своей власти надъ зрителемъ.

Г. Максимовъ 1 небольшую роль беспечаго водоканта Демпре сыгралъ свободно и естественно.

Потомъ давали водевиль въ одномъ дѣйствіи: Выборы, или Заспоромъ долго стало, за тѣмъ, чѣмъ спорить страсть припала. Не смотря на изысканность заглавія, которой обыкновенно прикрываютъ пустоту содержанія пьесы, водевиль этотъ очень не дуренъ. Заглянувъ въ афишу, мы, между актерами, предизначенными разыграть Выборы, не встрѣтили никого (кромѣ г-жи Ладиной) изъ тѣхъ, на которыхъ привыкли полагать свои надежды въ театрѣ, и потому тѣмъ болѣе остались довольны водевилемъ, что онъ и сыгранъ былъ не дурно. Игра г-жи Ладиной (Матрены Афанасьевны) была, какъ и всегда, умна, отчетлива даже въ мелочахъ и совершенно естественна. Г-жа Ладина вполнѣ изучила характеръ тѣхъ лицъ, въ роляхъ которыхъ является она на сценѣ, и

умѣеть передавать ихъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Ея комизмъ всегда безъ патяжки и преувеличенія, чѣмъ очень не часто водится за комическими актерами, особенно за г. Максимовымъ 2, который на этотъ разъ явился въ роли Ведерникова и фарсъ отчаянно. Повторяемъ: этотъ актеръ не безъ дарования; онъ умѣеть подмѣтить смѣшную сторону характера своей роли, но не умѣренно этимъ пользуется и синхронъ гоняется за смѣхомъ зрителей. Разумѣшился иногда легко, да дѣло въ томъ, что не всякий смѣхъ доставляетъ честь актеру. Намъ случилось, во время выполненія Выборовъ, спѣвать между двумя бородками: иностранной и русской. Обѣ они хохотали, глядя на г. Максимова 2. Но между тѣмъ я услышала: „утрируешь“, замѣтила иностранная бородка; „хорошо-съ; да болѣе переборщилъ“, сказала русская.—Получитесь, г. Максимовъ 2, смѣшишь у г. Соленика, скажемъ мы.

Роль Бульбасова—афериста и налувиала—занималъ г. Домбровскій. Здѣсь онъ былъ въ своей сфере, и потому, на этотъ разъ, игралъ очень натурально.

Спектакль кончился водевилемъ: Настенька. Бенефисантка распорядилась какъ нельзя лучше, назначивъ эту пьесу въ заключеніе спектакля, потому что „Настенька“ годится только для разъезда каретъ. Былъ уже 12-й часъ въ исходѣ, когда начали этотъ водевиль, и только желание увидѣть г-жу Ладину и Иванову 1 удержало насъ еще на нѣсколько времени въ театрѣ. Г-жа Ладина успѣла отчасти пробудить зрителей отъ одолѣвавшей ихъ дремоты. Г-жа Иванова 1 (Настенька) была пластически-хороша... Намъ хотѣлось бы увидѣть эту артистку въ маленькой пьесѣ, которую у насъ иногда даютъ: „Живая статуя“ подъ рѣзцомъ Пигмаліона г-жа Иванова 1 должна бы, кажется, быть превосходною.

Рыночъ.

ЧАСТНЫЯ ИЗВЪЩЕНИЯ

Отъ Инспекціи сельского хозяйства Южныхъ губерній.

При Симферопольской шелковичной плантаціи имѣется около 200 т. шелковицнхъ саженцевъ, отъ 1 до 4-хъ лѣтняго возраста, которые могутъ быть отпускаемы желающимъ заняться шелководствомъ по шаинченной Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ цѣнѣ: отполѣтие по $\frac{1}{4}$ коп., двухлѣтие по $\frac{2}{3}$ коп., трехлѣтие по 1 коп., и четырехлѣтие по 2 коп. сер. за деревцо. Желающие имѣть пчелы могутъ обратиться съ требованіями въ Инспекцію Сельского хозяйства Южныхъ губерній, съ приложениемъ денегъ на то количество деревь, какое требуется, и особо на ихъ укупорку, по требованіямъ не болѣе 1 т. штукъ однолѣтнихъ; такія могутъ быть высыпаемы съ почтою съ платою по 30 коп. сер. за укупорку; и желающие имѣть болѣе того количества или по старѣе деревца имѣютъ присыпать за ними подводы. Казенные крестьянамъ шелковичные деревца и сѣянки будутъ отпускаемы бездепежно.

На дорогѣ изъ г. Бодуухова въ г. Харьковъ потеряны бумаги съ метрическимъ свидѣтельствомъ дворянинна Николая Петровича Смакельскаго, взятые изъ Харьковской Духовной Консисторіи. Ишедшаго просятъ доставить въ местную Градскую Полицію.

Съ разрешеніемъ епархиального начальства принадлежащей Харьковскому Кафедральному Успенскому Собору ново-выстроенный каменный четырехъ-этажный домъ, состоящий во 2-й части 1-го квартала на углу Московской улицы, отдается въ наемъ. Желающие напечь его весь или половину могутъ узнать о цѣнѣ и видѣть условія для найма у Протоіерея того Собо-

ра: Кустова, Актона вскаго, Гапонова и Малиновскаго, ежедневно отъ 6 до 8 часовъ утра и отъ 6 до 8-ми вечера — 2.

Конкурсъ, учрежденный въ г. Харьковѣ по долгамъ умершаго З-й гильдіи купца Владимира Курбатова, извѣщаетъ, что присутствіе оного, по призначенію имъ удобству, переведено изъ дома почетнаго гражданина Василия Шелкова въ домъ Харьковскаго мѣщанина Дмитрева 1-й части на Пескахъ, близъ Университетскаго Саду. — 3.

Съ дозволенія Начальства, разыгryvajutsya разныя вещи, принадлежащія Александру Оставцову, часть коего выигрыша назначается въ пользу Благотворительного Общества; вещи оцѣнены суммою въ 280 руб. сереб. и дѣль премії по 25 руб. сер. въ пользу выигрыша, который разыгryvayetsya будетъ: одна на первый, а другая на послѣдний выдѣленный номеръ. Цена билету 50 коп. сереб., онъе получать можно на Московской улицѣ въ дочь купца Чистякова, въ магазинѣ часовыхъ дѣль мастера Лбачева и тамъ же можно видѣть подробный реестръ вещамъ, который разложенъ на тридцать выигрышей — 3.

ГАЛЛЕРЕЯ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ

и

КАВИНЕТЪ АВТОМАТОВЪ.

Пользующійся, со дня прибытія въ этотъ городъ, благосклоннымъ вниманіемъ почтеннѣйшей публики, содержатель ихъ имѣть честь

объявить, что кабинетъ пробудетъ здѣсь еще
САМОЕ КОРОТКОЕ ВРЕМЯ:

Цѣна за входъ 50 коп. сер., дѣти платятъ
половину.

Этотъ кабинетъ находится на Московской
улицѣ, въ домѣ старой Гимназіи. Открытъ
ежедневно отъ 10 час. утра до 10 час. вече-
ра, а съ 5 ти до 10 при освѣщеніи.—1.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ШУЛЬЦЪ.

Съ 29-го октября по 3-е ноября прибыли въ
городъ.

Изъ с. Тростенца, Председатель Дворянства
Князь Голицынъ; с. Ольшаны, Председатель
Дворянства Ковалевскій; г. Старооскоза, Пол-
ковникъ Романовъ; г. Зміева, Исполковникъ
Энкрайцъ; г. Чугуева, Полковникъ Вейсъ; г.
Валусъ, Маюръ Баронъ Будбергъ; г. Чугуева,
Маюръ Розенбергъ и Полковникъ Вейсъ.

ВЫБЫЛЫ:

Въ г. Москву, Статский Советникъ Андреевъ-
ский; г. Чугуевъ, Полковникъ Вейсъ; г. Валуй-
ки, Маюръ Баронъ Будбергъ; г. Каменецъ-Подольскъ, Полковникъ Жуковъ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЯ НАБЛЮДЕНИЯ,

ДѢЛАЕМЫЯ ПРИ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЕ.

Мѣсяцъ и число.	Часы наблюденія.	Высота Барометр при 15° R.	Термом. R.	Наимен. суточная температ.	Наибол. суточная температ.	СОСТОЯНИЕ АТМОСФЕРЫ.
Октябрь.						
28.	9 ч. утра 5 — по по 9 — лудни.	599,52. 599,47. 599,54.	5 6,5 1,6	-1	6,5	Облачно, ясно.
29.	9 ч. утра 5 — по по 9 — лудни.	598,92. 598,48. 598,02.	4,5 7,2 6	-1,2	7,2	Туманъ, пасмурно.
30.	9 ч. утра 5 — по по 9 — лудни.	596,93. 595,55. 595,50.	5 7 5,5	-1,8	7	Густой туманъ, пасмурно.
31.	9 ч. утра 5 — по по 9 — лудни.	597,42. 597,52. 597,98.	0,4 0 -1	-2,5	1	Снѣгъ на крынкахъ, облачно.
Ноябрь.						
1.	9 ч. утра 5 — по по 9 — лудни.	596,10. 592,79. 588,52.	-1,4 -0,8 0	-5,5	0	Пасмурно, снѣгъ.
2.	9 ч. утра 5 — по по 9 — лудни.	585,54. 585,31. 585,96.	-0,5 0 -0,4	-2,5	0	Пасмурно, снѣгъ.
3.	9 ч. утра 5 — по по 9 — лудни.	589,78. 589,58. 589,28.	1,5 5 1	-5	5	Снѣгъ, пасмурно.